

Светлана Морозова

Рыбка золотая

Светлана Морозова

Рыбка золотая

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Морозова С. П.

Рыбка золотая / С. П. Морозова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

«Рыбка золотая» это книга, где герои испытывают все! – любовь и страсть, предательство, обман, измену, крушение из-за стремления к богатству, жертвоприношение и преступления, отчаяние и вера в возрождение, искупление грехов... Что и где у кого перевесит на весах совести, какой путь выбрать - падение или остаться Человеком? Преодолеть слабости, укрепить веру в себя через воскрешение? – твой выбор пути своего, Человече! Никто не даст нам избавления, кроме тебя самого! Научись жить с верой в Господа, который поможет и подскажет! Научись слышать Его и внимать Его голосу, зовущему вперед к вершинам совершенства!

© Морозова С. П., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Ну вот, в очередной раз я сбросила старую кожу. Как говорил великий поэт Николай Гумилев: «Только змеи сбрасывают кожу, чтоб душа сгорела бы дотла. Ну а люди сбрасывают кожу, изменяя души и тела». Я – Змея, и мой удел – сбрасывая, менять шкуру, и возрождаться. Утешаю себя надеждой, что напоминаю не только Змею, но птицу Феникс.

Ах, как надоела эта постоянная дурацкая борьба. Надо опять искать новую работу. И вообще – жизнь менять! Окончательно поняла, что с новым секретарем горкома Коршиковым не сработаюсь, пришла пора расстаться.

Все произошло очень быстро. В угоду секретарю обкома Коми Иван Павлычу необходимо было скорректировать проект застройки города, изменив очередность строительства и начать строить микрорайон, чтобы сформировать центр города, а потом продолжить остальную застройку по генплану.

Прежний секретарь горкома, уважаемый всеми Юрий Алексеевич Спиридонов уже был переведен в Сыктывкар на место второго секретаря обкома, и у нас появился Коршиков, которому было ох как далеко до могущественного умного и демократичного Спиридонова! Коршиков это понимал и всеми силами старался доказать, что он сильный руководитель, спуску не даст никому. Моложавый, этакий красавчик, амбициозный с жестким взглядом, из тех, которые часто становятся тиранами.

На совещание к Коршикову по вопросу о реализации идеи строительства нового микрорайона в центре города были приглашены все заинтересованные лица – заказчик, строители, инженерные службы и проектная организация. Из Комигражданпроекта на совещание приехала главный архитектор проектов Изольда Бронштейн, с которой мы имели общую точку зрения на эту «красивую» авантюру. Все дело в том, что строить микрорайон ради завершения центра города в предлагаемом секретарем обкома месте было невозможно из-за отсутствия необходимых ресурсов инженерных сетей. Строительство его можно было начать лишь после завершения первой очереди строительства, а в это время готовить подводку сетей от основной теплотрассы, чтобы не забирать ресурсы от уже существующей застройки, создавая нехватку тепла и воды для всего города.

Все заинтересованные в строительстве стороны понимали это, как говорится, без вариантов.

У меня и в мыслях не было, что эта абсурдная идея может пройти! В предбаннике у Коршикова мы успели это обсудить. Потом всех пригласили «на ковер».

Вошли в кабинет. Коршиков прохаживался возле окон вдоль длинного стола заседаний. Мы прошли к столу. И вот тут-то произошла немая сцена, где главное действующее лицо держало длинную паузу. Коршиков, кивая головой на приветствия, продолжал прохаживаться и не приглашал садиться! В результате мужики приземлились на стулья не осмелились без приглашения, устроились позади стульев. Сели только я и Изольда. Она уселась, но, поняв, что сидеть хозяин не предлагает и мужики стоят, хотела встать, но я пресекла эту попытку, прижав ее бедро к стулу и шепнула: « Сиди! Пусть мужики выслуживаются, мы посидим».

Два часа проваландались с обсуждением! Коршиков давил всех с их точками зрения. А мужики так и торчали на ногах, переминаясь с ноги на ногу. А хозяин-барин за их спинами прохаживался, разминая ноги. Видно было, как страдал от усталости хромоногий зампред Артеменко, опираясь на стул. А зам по строительству здоровенный толстопузый Андрончик вертелся как уж, прилаживаясь к столу разными частями стодвадцатикилограммового тела.

По итогам голосования только один голос был против предложения секретаря обкома, это был мой голос.

– Жаль, что главный архитектор города Светлана Петровна тормозит прекрасную идею формирования центра города! – этими словами Коршиков завершил заседание.

Выйдя из кабинета, я не удержалась и ласково-ехидно спросила заказчика:

– Николай Иванович, ты ли это? Сдрейфил? – где же твоя принципиальность и честность, дорогой ты наш заказчик?!!

–Что поделаешь, Светлана Петровна, – субординация-с!

–Да вы же вряд ли хотя бы один дом постройте в этом микрорайоне без сетей! Кто отвечать-то будет, вы хоть подумали, мужики? Водоснабжение, теплотрасса – где взять-то, от города оттяпать? Коленька, с тебя же первого стружку снимут, застройщик наш дорогой! Впрочем, судить не будут за головотяпство! – вы же выполняли задание партии! Умылись, и взятки гладки, а на остальное наплевать!

Вот так встала предо мной дилемма – что делать? Из сложившейся ситуации, когда все проголосовали «за», потому что партия сказала «надо», а я твердо знала, что «нельзя», выход только один – подать заявление об уходе. Я же не дам разрешение на строительство! И опять я на перепутье. Видно, все-таки пришла пора стать свободным художником.

Я уже давно поняла, что должность главного архитектора города не дает мне полностью реализоваться. Что не сотворишь – все обчекрыжат, заботливо объясняя экономией. Экономя на том, чтобы сохранить нас от красоты, строя однообразную типовуху серых микрорайонов.

Я приехала сюда в начале строительства Всесоюзной ударной комсомольской стройки города Усинска для освоения новых месторождений нефти после того как меня уволили по статье 33 п. 3 из города Свободного Амурской области, за то, что я отказалась согласовать строительство жилых домов в производственной зоне. Тогда я полетела в Госстрой РСФСР за подмогой и Госстрой защитил меня, статью увольнения заменили «по собственному желанию» и компенсацию заставили заплатить за вынужденный прогул. А в Госстрое предложили должность главного архитектора Усинска – строить город на границе полярного круга в Коми АССР для разработки новых месторождений нефти. Всесоюзная ударная комсомольская стройка!

В Усинске я сразу же стала требовать от строителей красить фасады, применяя фасадную окраску серых бетонных панелей домов по моим эскизам с использованием двух-трех цветов. Это радовало глаз ярким цветом зданий и жителям стало веселее и комфортнее жить в условиях суровой северной природы с коротким летом, снегами и долгими зимними ночами.

А мне хотелось для города еще и архитектуры интересной. Я запроектировала Дом пионеров в виде четырех блоков для групп с внутренними двориками, объединенными с блоком обслуживания. Все крыши блоков были разновысокими, Дом пионеров смотрелся как сказочный, ярко раскрашенный теремок. Его не построили, якобы сложно и неэкономично! Экономили только на красоте и удобствах по указанию твердолобых, руководимых всем и вся членов партии родимой, ведущей вперед за дела лысого и усатого вождей. И с этим приходилось мириться! Так, может, пришло время заняться чистым творчеством, чему учил меня мой московский друг художник Федя Моржов, которого я приглашала на декоративно-монументальные работы по городу.

А теперь вообще не дадут работать после того, что произошло, я же не священная корова из касты неприкасаемых! Ехать в Госстрой РСФСР за подмогой вторично не хочу – устала пашкой махать. Да и не решатся мои покровители супротив тяжеловеса секретаря обкома все-сильной партии! Значит, выход один – уволиться.

Я оптимистка, в каждой проблеме ишу возможность изменить все к лучшему и до сих пор у меня это хорошо получалось. Может и на этот раз есть шанс изменить жизнь, сделав ее интересной и креативной. Устала от совещаний, от которых голова начинала болеть. Буду писать картины, украшать стены интерьеров веселыми росписями и прочими прелестями декоративно-монументального искусства, чтобы глаз цепляло. В архитектуре города такой возможности мало, обрубают творческие задумки. Надо менять жизнь! – такова селяви. Вперед, львица!

Художник многогранен. Он хочет творить и делать то, что не дает ему покоя. Господь сбрасывает в его сознание картинки и требует поделиться тем, что требует реализации в живописи, стихах, музыке, поделиться тем, что видит только он, одаренный талантом. И я буду раскрывать свои способности и этим зарабатывать, реализовывая в натуре мир своего воображения.

Решила податься в Худфонд и заняться интерьерами. Конечно, придется отказаться от привычного стиля жизни, когда – на тебе все, что положено по статусу госслужащего: высокая зарплата, машина и разные привилегии. Ну и окружение поредеет, конечно. Останутся только истинные друзья, а не прилипалы.

А уходить придется! Из верных источников узнала, что моя позиция обсуждалась. Коршиков ищет способ освободиться от дерзкого главного архитектора города, раз уж сразу зубки показывает, беспартийная. А способ найдется, была бы шея, хотя зампред Артеменко прямо заявил Коршикову:

– Левую убрать невозможно, если сама не захочет. Крепкая, умная баба, хороший архитектор!

Коршиков отреагировал соответственно:

– Ну, так найдите способ, чтоб захотела. Не в бирюльки играем, Иван Петрович, не мне Вас учить. Решите вопрос!

Иван Петрович поговорил со своим другом Хайло, директором Дома Быта и тот пришел ко мне с предложением. Надо сказать, что в Усинске было три начальника из хохлов с необыкновенно яркими, запоминающимися фамилиями – Недбайло, Рогайло и Хайло, все на одну колодку – толстомордые, толстозадые, губастые, с туповато-хитроватым блудливым деланно простецким выраженьем на румяных личиках.

Хайло встретился со мной и начал разговор о пустующем в сто квадратных метров этаже Дома быта, который планировался под демонстрационный зал и уже год был закрыт без отделки, а я приставала к нему с этим вопросом. И вот это Хайло мне говорит:

– Светлана Петровна, у меня деньги найдутся, чтобы проект сделать и интерьеры выполнить. Я в этом деле баран, а Вы, слышал, не прочь уйти на творческую работу. Так может ко мне, а? Оформляйтесь переводом. Как Вам это предложение?

– Здорово! Идея эта давно зреет. Я не против, если деньги найдете, после отпуска переведусь.

– Договорились!

Трудно, конечно, будет. Выдержу ли? – в сорок пять лет менять привычный комфорт на неизвестно что! А есть ли выбор?! Нет, второй раз бросаться с открытым забралом на амбразуру не хочется. Времени жалко, да и силы не те, чтоб через забор сигать. Значит – решено! Сначала отпуск, потом переведусь к Хайло, или еще куда, там будет видно.

Как раз к этому времени в Усинск приехал мой друг архитектор Эрик Иванов из Москвы. Я председателя горисполкома уговорила сделать большой макет центра города. Вот с Эриком и сделаем это. Денег заработаем по худфондовским расценкам, на полгода шикарной жизни хватит! И останется от меня на память макет, который будет долго висеть в кабинете председателя.

Окончили за две недели работу, я съездила в Крым, потом к маме в Казахстан, используя двухмесячный отпуск. Возвратившись, решила организовать Архфонд. От Союза архитекторов Коми полетела в Ленинград на Всесоюзный съезд Союза архитекторов СССР, чтобы там заодно решить вопрос с подготовкой документов для организации Архфонда Коми. Дело то новое! Начиналась Горбачевская перестройка с ее грандиозными переменами и возможностями – твори, выдумывай, пробуй, и это сладкое слово – Свобода!

Из Ленинграда я привезла аналоги документов для организации Архфонда, и тут вдруг – бац! Председатель Союза Архитекторов Коми Сенькин говорит:

– Светлана Петровна, а Вы что же, хотите возглавить Архфонд?

– Естественно! А чего бы я тогда в Ленинград летала, для кого старалась?

– Так ведь Вы, дорогая Светлана Петровна не в Сыктывкаре живете, как же Вы будете работать? Квартиры ведь у вас здесь нет.

– Интересный разговор после того, как я Вам все приподнесла на блюдечке с голубой каемочке! – Вы не находите?

Вопрос, конечно, интересный. Я как-то не задумывалась над этим, а перебираться в Сыктывкар не очень-то хотелось из своего любимого комсомольского города. Вот я и тормознула! Да и надо ли мне снова влезать в шкуру руководителя и заниматься бодягой с согласованиями и неизменными контактами с партийными функционерами, которые всюду суют свой нос? А как же свободная творческая работа, о которой я мечтала?

В общем, плюнула я на этот Архфонд, и вспомнила про предложение Хайло. Он сказал, что деньги министерство даст, и я покинула горисполком с переводом в Дом Быта, с условием, что работа будет оцениваться по расценкам Худфонда. Должность моя называлась художник-оформитель. Да какая разница – подумала.

И лопухнулась, доверившись этому Хайло, влипла по полной программе! После обсуждения предстоящих работ, Хайло сказал:

– Я думаю вопрос финансирования работ по демонстрационному залу скоро решится, а пока предлагаю сделать интерьер фотосалона с камином.

Вдвоем с художником-оформителем мы сработали салон за месяц. Расценки же оказались не худфондовскими, и столь мизерными, что мой заработок был в пять раз!!! меньше того, что я получала в горисполкоме. Вот такой неожиданный винтаж случился!

Хайло нес какую-то невразумительную околесицу по этому поводу, но я поняла, что это Хайло меня примитивно обмануло – никакого демонстрационного зала не будет. И без лишних разговоров моментально написала заявление об уходе. Выйдя из кабинета Хайло, заскочила к парикмахерше, которая до того работала в горисполкоме. Пошли с ней покурить и обсудить мой провал. Сделала мне она прическу, чтобы утешиться, сели на подоконник в коридоре и я рассказала про Хайло.

– Вот так, Любаша! Это Хайло сделало мне большую козью морду!

– Стоп-стоп-стоп! О-о! – а знаешь, я все поняла. Ну, конечно, это же наш дорогой Иван Петрович Артеменко подстроил, чтобы ты быстренько отскочила к Хайло. Они же друзья с моим шефом, а шеф рассказывал, что от тебя избавиться хотят. Он мне доверял, делился всегда впечатлениями, любитель интриг.

Шеф ее был председателем комитета Народного контроля, довольно гаденький человек, про которого руководители города поговаривали, что он руку приложил к отставке председателя горисполкома Каретникова. У него на всех досье есть, чтобы держать на поводке. С секретаршей Любашей у него случился конфликт, и она ушла от него, отомстив чисто по-женски, отдала почитать его жене письма от любовницы на курорте, которые Любаша спокойно достала из сейфа шефа. В результате жена подала на развод, поблагодарив Любашу: «Спасибо, мне только этого не хватало!»

– Ну, ты даешь! И что шеф?

– Он, козел, пообещал меня посадить за то, что в сейф залезла. Представляешь, вызывает меня к себе прокурор. Ну, пришла. Прокурор с Васяевым друзья не разлей вода. Села. И начал он мне втюхивать про мое преступление – в сейф залезла, где дела государственной важности. Выслушала я все спокойно и решила – мой выход. Сигарету в зубы и пошла – про все, что Васяев рассказывал после попок с подробностями и насмешками в адрес своего друга-прокурора. Тот аж со стула выскакивал:

– Это он Вам рассказывал?.. И это... и это?.. В общем, ушла я от него, спокойно заложив шефа. После этого он престал ходить к Васяеву, когда был в горисполкоме или в горкоме, чтобы раздеться и поболтать с другом.

Любаша еще подробно передала мне про то, как Артеменко сговорился с Хайло, чтобы я ушла к нему, зная, что Хайло меня обманет. Так я в эту дыру-то и втюхалась! А ведь был выбор! Начальник ЦБПО Шварцман звал к себе, обещал интересную работу по интерьерам. Уж Шварцман бы все для меня сделал! А теперь что? Деньги мои заканчивались, надо было решать куда устраиваться. Меня звали главным архитектором в Комигражданпроект Сыктывкара с квартирой, но я не захотела, решила устраиваться в Худфонд. Это давало возможность жить и работать в Усинске, с которым расставаться не хотелось – приросла! Как член Союза архитекторов я была принята в Худфонд без проблем и стала работать по интерьерам строящихся объектов Усинска. Связалась с заказчиком и заключила первый договор по проектированию кафе. Летала в Худфонд в Сыктывкар на худсовет, работая дома над проектом.

Оплата работы предусматривалась после ее сдачи заказчику. Надо было жить по правилам свободного художника, а денег было уже маловато. При этом я почувствовала почти полную изоляцию от внешнего мира. Работала дома и все связи моментально нарушились. Так называемые друзья отскочили, когда я выпала из обоймы привилегированных чиновников. Привет, ты нам больше не нужна! Остались чисто дружеские связи, которых, как оказалось, кот наплакал. Три верные одинокие подружки, несколько приятелей из бывших любовников, которые стали друзьями, да верные художники появлялись изредка с неизменным другом Брониславом, гитарой, вином и закусками, поддержать меня и потрепаться о наступающих временах, которые должны были кардинально изменить жизнь. Все были на подъеме и с воодушевлением ожидали потрясающих революционных перемен в связи с горбачевской перестройки:

– Демократия, вашу мать, пришла! Свобода! – дождались, теперь все можно.

А я по уши сидела в дерьме с проблемами занять денег. В который раз получила граблями, словно я эти грабли всю жизнь таскаю и не могу расстаться, вот они и трахают меня изредка в лоб, чтобы знала, где раки зимуют.

Ну, ладно, теперь-то выкарабкаюсь. И ведь одишенька! Никого нет, хоть бы опора какая была! – мужичонка заваливший какой-никакой. Нет, всех женатых заставила отцепиться, а где других-то найти – неженатых? Ау-у! – нетути! И так мне захотелось найти этого какого-нибудь мужичонку – ну просто никогда так не чувствовала себя одинокой! Тоска по любви одолевала смертная, так было себя жалко! И денег-то нет катастрофически!!! Продала машинку швейную немецкую, шубу, еще кое-что, чтобы дожить до сдачи проекта. Заторможенность была какая-то и слабая надежда, что все рассосется само собой.

Это было повторением пройденного, того, что случилось в Свободном. Тоска и жуткое одиночество! Ленинский вопрос молотом стучал в голове – что делать? Вдобавок ко всему, моя подруга, редактор городской газеты Лена Белуш, тоже вступила в конфликт с Коршиковым. Начиналась перестройка, все были возбуждены наступающей свободой и гласностью, Лена смело этим воспользовалась, сунулась со своими критическими материалами. Горком партии, однако, этого допустить не мог и моментально принял превентивные меры и, чтобы обезопасить народ от неправильных мыслей, ее мигом уволили! Некоторое время Лена писала во все инстанции, наивно надеясь на то, что истина восторжествует, ведь наступила гласность. Про этот конфликт даже напечатала «Советская культура», где журналисты постарались защитить товарища по цеху. Но реакции не последовало, статью словно никто не заметил. Пришлось ей возвращаться в Сыктывкар простым журналистом, где у нее была забронирована квартира. А я лишилась подружки, которая жила в соседнем подъезде.

Был конец мая. Уже почти растаял снег, наступили белые ночи. Я пришла к Лене, она готовилась грузить вещи в контейнер и лететь в аэропорт. На помощь пришел ее зам Олег Султанов с другом, который гостил у него. Когда я увидела этого друга, то моментально влюбилась насмерть. Сердечко мое тоскливо екнуло – до того был молод и хорош этот друг. Высокий, светловолосый, хорошо сложенный и красивый. Голубые американские джинсы и черная кожаная куртка. Улыбнулся мне, щелкнул каблуками:

– Лев Морозов из Балахны, главного города Горьковской области на Волге.

Удивительно красивый тембр голоса! А улыбка? – пропала я! Да он еще и младше меня, ему лет тридцать пять. Опять я по уши влюбилась в мальчика!

Мужики погрузили вещички в контейнер, после чего Лена попрощалась с нами и отправилась с Олегом в аэропорт.

– Лев, до вечера! Поручаю тебе Светлану! – сказал Олег.

Был полдень, мы пришли ко мне. Я нашла в холодильнике приличный кусок свинины, Лева приготовил тузлук и мясо для шашлыка. У меня еще и бутылочка вина нашлась. Как я все-таки хорошо живу! Мы поболтали, попили кофе с сигаретой и отправились в лес на Черную речку, который начинался сразу за микрорайоном. Там был мангал и Лева поджарил классные шашлыки. Мы хорошо посидели на полянке и окончательно прониклись симпатией друг к другу.

А когда Лева обнял и поцеловал меня, я услышала его запах. Мужики пахнут по-разному, иные просто невыносимо для восприятия. У Левы запах был тот, который я физически чувствовала – мой! Ну что тут поделаешь, любовь это абсолютная химия, запахи, звуки, голос мужчины создают такую композицию, которая вступает в реакцию с твоей химией. И – все! Если реакция положительная, возникает любовь и разум бессилён что либо изменить, все стихийно и не подконтрольно мозгу.

Мы не бродили по лесу, везде была вода, не растаявший снег, проталины. После поцелуев мы решили продолжить вечер у меня дома. По дороге Лева заскочил к Олегу за бутылкой вина.

Проснулись утром влюбленные и счастливые. Лев рассказал, что они с Олегом знакомы по Ленинградской академии МВД. Олег, разжалованный капитан МВД в Баку, очутился в Усинске, стал журналистом. Лева, капитан МВД в Якутске, на дежурстве в аэропорту задержал машину распоясавшихся пьяных молодчиков. Пришлось применить оружие, стреляли по шинам. А хулиганы оказались детками высокопоставленных партийных чиновников! Утром вся группа, состоящая из капитана Морозова, старшины и младшего лейтенанта была уволена из органов. Старшина лишился пенсии, не дослужив полгода. Лев вылетел из академии МВД с третьего курса. Как русский мужик запил, завивая горе веревочкой. В результате – расстался с женой и сыном, Жена, недолго думая, нашла ему замену, а Лев вернулся в Балахну, где жила мать. Работал на птицефабрике бригадиром грузчиков, там деньги хорошие и куры бесплатно. Приехал в Усинск к Олегу в надежде устроиться работать, на Севере деньги достойные.

Влюбленные, мы не расставались, к Олегу Лев не вернулся. Хорошо, что проект кафе я закончила и была свободна, ждала выставкома. Я не сомневалась, что устрою его на работу, меня все руководители знали, договорюсь. Дни любви скоро закончились, мне надо было лететь в Сыктывкар, защищать проект. У Левы был билет на самолет домой через два дня после меня. Он сказал:

– В общем, еду домой, денег подзаработаю и увольняюсь. Жди к августу. Жаль расставаться! Я люблю тебя, еще не было никогда такого. Буду скучать, Рыбка моя золотая!

– Я тоже люблю тебя и буду ждать!

За эти дни мы о многом переговорили. Я, узнав, что он моложе меня на 10 лет, боялась, что его испугает разница в возрасте, но он только удивился этому:

– Не может быть! Нет, правда? – не верю, покажи паспорт.

Пришлось показать.

– Ничего себе, я думал тебе лет тридцать! Да ладно, не пугайся. Главное, я тебя люблю, Светик.

Утром следующего дня я полетела в Сыктывкар. В Худфонде защитила проект и вернулась в Усинск. Быстро оформила документы с заказчиком и получила деньги. Все в порядке! Приличная сумма позволила заплатить долги, а на оставшуюся сумму можно было прожить месяца два, и за это время сделать новый проект. Я повеселела. К тому же я по уши влюблена,

и, похоже – взаимно. Все будет тип-топ! Жизнь налаживалась. Я свободна, могла делать что хотела, не надо ходить на работу и торчать на совещаниях. Заключила новый договор с заказчиком, занялась проектом и ждала звонка от Левы. Две недели тосковала, не находя места от неизвестности. Потом Лева позвонил и сказал, что скоро отработает, уволится и закажет билет. Он был возбужден, как видно, под хмельком. Говорил:

– Я так люблю тебя, так тоскую по тебе, Светик мой!

А потом я встретила Олега Султанова и рассказала ему, что Лева приезжает ко мне. Он меня слушал рассеянно и несколько отстраненно. Помолчав, сказал:

– Света, подумай хорошенько о том, что я сейчас скажу. Лева всегда был отличным парнем, а сейчас он хроник, алкоголик. Ты пропадешь! Он у меня дома выпил мой одеколон, когда ушел от тебя. Я его еле привел в норму, чтобы он нормально улетел домой. Не связывайся, пожалеешь!

Вон оно как! А я не поняла этого. Правда, за эти дни, что мы были вместе, без вина не обходились. Ну, так это вроде от радости, что встретились. Я чуть-чуть, а он с удовольствием. Правда, ничего особенного в его поведении я не заметила. Да у нас же все пьют, как лошади напиваются частенько, и ничего! Какой алкоголик?! Да быть не может, Олег преувеличивает.

Но от слов Олега все словно сжалось вокруг и стало серым. Господи, за что?! Мне было так плохо, что я ничего не могла делать, даже пропал аппетит. Ведь я люблю его так, как сто лет не любила, и хочу быть с ним! Господи, помоги! Неизвестно, кого мне было жалко – себя или Леву. Соберись и подумай хорошенько, что с этим делать!

Мужчины, которых у меня было довольно много, все были видные, жизнерадостные, сильные характером, веселые, разных национальностей. Когда мы расставались, то оставались друзьями. Господь мне щедро дарил любовь, так неужели же на этот раз не повезло?! Не верю. А если что, справлюсь, помогу любимому.

И решила – будь что будет, надо проверить. Лучше что-то сделать и каяться, чем не сделать и пожалеть! Я поступила как та женщина, которая желает познакомиться. До того тоска и одиночество были невыносимы, так хотелось мужской ласки! Впервые в жизни мне захотелось выйти замуж, именно за Леву. Я никогда не стремилась создать семью, это было равнозначно потере свободы и творчества. Если бы я встретила архитектора или художника, для которого творчество необходимо как и мне, я бы может и вышла замуж. И наступило время, когда я уже не могу иметь детей, и это меня, конечно же, мучило. А Леве я отдам всю нерастратченную любовь, заботу, ласку и нежность. Приняв решение, успокоилась. В конце концов, я независимая, самодостаточная, с работой все устроилось, разберусь! И стала с нетерпением ждать Леву.

Я по натуре авантюристка, не боялась рисковать, так как рисковала только собой, не взваливая ответственность на кого-то. Решала сама все проблемы и у меня все получалось легко, была успешной. Господь ведет меня! – я всегда чувствовала Его поддержку в трудные моменты, когда надо было делать выбор. Так что – будь что будет!

В начале августа, накануне моего дня рождения Лева позвонил:

– Светик, завтра прилетаю в одиннадцать. Как я по тебе тоскую, как я тебя люблю! Как я тебя хочу, Зайка моя, Рыбка моя золотая!

Вот так я стала золотой Рыбкой.

Я поехала в аэропорт, старательно приведя себя в порядок. Глядела в зеркало. Хм! Глаза сверкают! – хороша, однако, на сорок пять явно не тяну, можно и двадцать пять дать, если во весь рот до ушей скалиться от счастья!

Помоги мне, мой Ангел, судьба решается!

Увидев Леву, идущего от самолета, забыла обо всех сомнениях. Он бросил сумку на землю и кинулся ко мне, закружил! – самый красивый на свете. Я видела его счастливые глаза и улыбку. Кружилась голова от поцелуев и крепкого объятия. Он говорил:

– Как же я люблю тебя! Скучал!

Такси быстро домчал до дома. Едва войдя, поставив сумку, он обнял меня, и ничто не могло остановить нас в безумном желании сбросить одежду и наслаждаться любовью. А потом Ленка Денисова с Региной позвонили и пригласили нас к Галке, девки хотели видеть Леву. Лева быстро оделся:

– Ну что ж, нам есть что отпраздновать! Где тут у вас вино продается?

– В Огуречном, но там столпотворение.

– Какой телефон?

– Здравствуйте, это капитан Орлов! Как там у вас, спокойно? Отлично! Я подскачу, Зина?.. Извините, Раечка!

– А чего Орлов-то, Морозов тоже ничего, вроде.

– Орлов бьет без промаха! Испытано!

Был сухой закон. Вино можно было достать только по талонам, как и некоторые продукты. Талоны раздавали гражданам на месяц. У меня талонов было много, так как типография подчинялась редакции и обеспечивала талонами себя и всех руководителей города. У меня от друзей-журналистов талоны всегда были.

Вино продавалось только в магазине, который размещался в длинной зеленой металлической бочке. Этих бочек, специально оборудованных для жилья лежащих на подставках бочках, было много. Они подключались к теплу, электричеству и внутри вполне были комфортными для проживания, состояли из двух помещений. Пока город строился, многие молодые семьи начинали в них свою жизнь, постепенно перебираясь в новые строящиеся дома улучшенной планировки. Винный магазин в зеленой бочке население метко окрестило Огуречным, так как главную закуску России. Народу перед Огуречным во время борьбы за трезвость ежедневно собиралась тьма-тьмушья. Открывался магазин в час Волка. Так называли время с тех пор, как на часах, установленных на здании Цирка Никулина, появились фигурки зверей. У Цифры 11 на карауле стоял волк. Город, основным населением которого было молодое поколение комсомольцев-добровольцев, не мог обходиться без алкоголя, так как досуг проводить было просто негде. Прекрасный клуб из сборных финских панелей недавно сторел по чьей-то халатности, так что Огуречный стал основным центром притяжения.

Мы отправились в Огуречный. Толпа перед ним напоминала длинного змея, большая голова которого присосалась к двери. Она состояла в основном из мужчин. Их подруги ожидали своих приятелей недалеко на пригорке.

Дверь Огуречного периодически открывалась и из нее поочередно вываливались мужики с поднятыми вверх авоськами, чтобы не разбить драгоценные бутылки. Толпа начинала шевелиться и гудеть, дожидаясь десятого покупателя. Выпустив последнего счастливчика, мужики с бешеным ревом рвались к двери и утихали, когда дверь заглывала очередную десятку. Толпа женщин на пригорке поддерживала мужиков победным воем, визгом и воплями, радостно встречая приятелей как футбольные болельщики. Наступало временное затишье, чтобы вновь взорваться через несколько минут всплеском какофонии голосов людей, отстоявших не один час в надежде получить драгоценное зелье.

Лето в этом году было жаркое и дождливое, комарья и мошек несметное количество. Эти кровососущие огромным облаком роем вились над толпой, нещадно впивались в кожу, грызли то, что было не прикрыто и не намазано Дэтой, без которой не обойдешься на севере.

Толпа волновалась:

– Скоро закроют! Верка баба злющая, ни минуточки не пропустит!

– Да нет, сегодня Наташка работает. Она, если без сдачи, то всех отоварит после пяти.

Понаблюдав, Лева сказал, чтобы я подождала. Обогнув Огуречный, подошел сзади, где дверь в подсобку, и энергично застучал. Дверь открылась, после коротких переговоров захлопнулась, затем открылась, и в щель передали сумку с вином.

Я ждала на пригорке.

- Ну, ты и ловкач, капитан Орлов, что значит школа!
- А как иначе! – я же опер, сыскарь.

Девки не ожидали, что мы принесем кучу вина и встретили нас победным воем. Мы всю белу ноченьку праздновали приезд Левы и день рождения Галки. Девков он очаровал – сыпал шутками, комплиментами, ухаживал за нами. Девки шептали:

- Светка, где такого мужика отхватила?
- А фигура! – ну прямо Грегори Пек в «Римских каникулах».

Следующий день был суббота, далее – воскресенье. Запой у Левы не было замечено, но винцо попивал.

Потом я позвонила начальнику Вышкомонтажной конторы и устроила Леву вышкомонтажником самого низшего второго разряда, так как рабочей специальности у него не было. Работать надо было вахтовым методом, 15 дней на вахте, 15 – дома. Прописали его в общежитии поселка Пармы, помогла Алла Михайловна Босова, председатель поссовета, моя подруга.

Он уехал на вахту, а я осталась одна. Тосковала жутко. Тщательно познакомилась с его документами, записной книжкой. Все о чем рассказывал – правда. Разведен, сыну семь лет, живут в Якутске.

Моя работа спорилась, я не торопилась, проект долгосрочный, деньги пока есть. Успею!

А когда Лева с вахты приехал – снова винцо три дня попивал. На вахте сухой закон. А я на вино уже смотреть не могла и стала понимать то, о чем сказал Олег. Уж очень затянувшийся получался праздник от радости, что встретились. Радость постепенно испарялась, и понимание того, что Лева пьет, было близко к шоку. Я металась, не зная, что делать! Потом решительно повела воспитательную работу. Все было как положено – взываю к разуму, он – обещает, клянется, что в рот не возьмет, приедет с вахты – все повторяется.

Вот так и понеслось – жду, тоскую, приедет – запой дней на четыре-пять. Запой возникали редко, но метко, доводя меня до состояния, близкого к нервному срыву. Уже рада была, что Лева уезжает снова на две недели. За время его отсутствия пыталась понять, что делать и как быть. И была уверена, что смогу все исправить.

Я уже не могла жить без Левы. Это было какое-то сумасшествие – я его любила со страшной силой! Мне было больно и жалко его. Понимала, что он пережил – потеря любимой работы, развод... Редкие мужики это выдерживают. И я – любящая женщина, смогу помочь. Думала, думала, думала, как это сделать...

Работа моя продолжалась. Проект нового кафе я выполнила в срок и защитила его на выставкоме в Сыктывкаре. 800 рэ заработала. Можно было отдохнуть немного и не думать о заработке. А Лева, несмотря на алименты и низший разряд, чистыми получал 750 рэ, а средняя зарплата в СССР у инженера была 100 -120. У меня, главного архитектора города было 450. Лева привозил еще около тысячи, выигрывал в карты. Вот так – еще и картежник! Вахтовики строили вышки глубокой тундре, вдали от редких поселений, добрались до работы вертолетом или на вездеходе. Жили во временно установленных вагончиках. Ничего кроме радио, телевизора, карт, шахмат, шашек, домино не было. Вот они и резались в эти игры на деньги! Лева лихо всех обыгрывал в преферанс, заслужив уважение картежников. И до копейки привозил деньги домой, никаких заначек.

Он близко подружился с начальником – бригадиром Сережей, инженером-строителем по профессии. Левин ровесник, он оказался интересным, культурным и образованным мужиком. К нам приходил, когда бригада приезжала с вахты. Мы с ним были заядлыми шахматистами. Я раньше обыгрывала перворазрядников, а он играл со мной на равных. Приходил к нам и Левин напарник, моего возраста, тоже хороший мужик. Вообще-то, среди северян я не встречала плохих людей. И была приятно удивлена, что друзья Левы считают меня моложе его.

– Светлана, а Лев говорил, что Вы старше его на десять лет! Он шутник, Вам же нет и тридцати, верно?

Ничего себе! – не скрыл, не постеснялся! Я не стала их разочаровывать:

– Да уж – Лева любит пошутить, это его конек!

Спиртное мы не пили, только кофе и сладости.

Но, приезжая, Лева отводил душу вином, потом просыхал, и клялся, что бросает. Иногда заглядывал Олег. Появлялся, когда Лева не пил, поэтому думал, что у нас все в порядке. А я не жаловалась никому, была рада, что рядом любимый человек, которого я редко видела. Стерплю, и добьюсь, чтобы бросил пить – думала.

Полностью вошла в роль доброй жены, которая все умеет. Демонстрируя кулинарные способности, готовила как в ресторане. Когда испекла первый пирог, Лева признался:

– А моя мать никогда не пекла пироги!

– Да ты что? Впрочем, я поняла, что она плохая хозяйка.

– С чего бы это?

– Да на домашних твоих брюках был шов разорван, дырочка не зашита, и пуговиц на рубашках не хватало. Заботливая мама такого не допустит!

Попробовав первый раз пирог, Лева неожиданно изобразил пальцами кукиш и, выставив его в окно, сказал:

– А у нас пирог вкусный, ни фига никому не дадим! Накося-выкуси!

Я оторопела:

– Да ты чего, Лева?! Ну, даешь! – мамочка научила?

– Да, как ты догадалась? – она так всегда говорила.

– Нетрудно догадаться. Придется отучать тебя от жлобских привычек!

И, обратившись к окну, пропела:

– Люди, приходите в наш дом, наши двери открыты!

А в постели Лева становился все более слабым. Алкоголь делал моего мужа импотентом. Это был еще один мощный удар. А что дальше?! Я же безумно любила его! Когда он, приезжая с вахты, пил, а потом выходил из запоя – ну какой тут секс?! Две недели находясь дома одна, я не могла отказаться от редких встреч с бывшими любовниками, с которыми давно отношения перешли в дружбу. Мои поездки в Сыктывкар тоже сопровождались встречами с друзьями в гостинице. Одноразовый секс случался, так сказать, по-дружески. Мне необходимо было поплакаться в плечо друга, чтобы он пожалел, дал совет. Я, конечно, слегка мучилась угрызениями совести, но – не зарегистрированы мы с Левой, так что никаких обязательств я не имею перед ним. Так – маленькая месть! – зачем лишать себя радости встреч с бывшими любовниками, раз Лева не хочет бросать пить и становится импотентом.

Как ни странно, мы очень любили друг друга. Это была привязанность, когда любишь вопреки всему, точнее – жалеешь. Пытаясь угодить любимому, я старалась завоевать его сердце через желудок, готовила всякую вкуснятину. И боялась потолстеть. Как говорила Софи Лорен:

– Худеть просто – утром кекс, вечером секс, а если не помогает – отказаться от кекса.

Похоже, похудеть мне не грозит!

К Новому Году приехала мать Левы Евгения Ивановна. Лева был дома. Мамочка, или старуха, как я стала ее про себя звать, оказалась суровой, с вечно озабоченным недовольным лицом, не улыбочивой. Приехав к нам, переоделась в старый халат с дыркой на коленке, которую она постепенно увеличивала в размерах, но это ее не беспокоило. И делать ничего не умела. Как говорится, руки росли не в том месте. Я перед отъездом стала печь ей на дорогу сырники, да что-то надо было срочно доделать, и я попросила ее допечь сырники. Так она с ними возилась так неумело и долго, что стало ясно – полный аут! Она мне не понравилась! – старая дура. Я, конечно же, не показывала этого, но меня тоже терпеть не могла, как видно .

Я ей рассказала, что Лева алкоголик, а она отпиралась, что не знает, делала удивленные глаза. Уехала, пробыв неделю. Лева при ней не пил.

Мои страдания от Левиных запоев продолжались. Народ активно противостоял сухому закону своим силами и смекалкой, все охотно делились способами о том, из чего делать самогонку и что пить. Как-то я после отъезда Левы я взяла недавно начатую жестяную банку с освежителем воздуха, а она пустая. Я взяла вторую банку – опять пусто. Повертела, глядь, а на доньшке дырка проколота. Это что! – Левочка хлещет эту убойную химию?! Дошел до ручки! И что с этим делать?!!

Я любила его, или, скорее всего, как это по-русски – жалела. Сердце доброй дуры не мог победить разум. Любовь и здравый смысл несовместимы. Вот такая бестолковая любовь, головка забубенная! Не выдерживала – устраивала ссоры, скандалы с битьем посуды, руганью, выливала питье в раковину. Появилась полоса отчуждения.

Однажды Лева, приехав с вахты, принял душ и засобирался куда-то.

– Ты куда, а поесть?

– Скоро приду, к другу надо.

– К другу – пить?

Ушел. Я ждала его до позднего вечера. Одолели думы. Все! – ушел, я его достала, нашел бабу!

Господи, ну пусть вернется!

Рвала и метала, кругами ходила по комнате и бешено ревновала, не зная к кому. И вдруг, поздно уже было, открывается дверь и нарисовался в дверях мой пьянехонький Лева. Шагнул ко мне, крепко обнял и прерывающимся всхлипами голосом, заскулил:

– Не могу!.. Ну, не могу уйти от тебя!.. Понимаю, что не сахар, но я люблю тебя, черт возьми, и ничего не могу с этим поделать!.. Если выгонишь – пропаду!.. Никто не нужен, кроме тебя – ты моя жизнь, надежда и любовь моя самая большая и вечная!.. Прости меня, я буду стараться, все сделаю, чтобы ты была счастлива, брошу пить!

Со слезами на глазах я бросилась к нему и мы, смеясь и плача от счастья, не могли намиловаться. Ночь была незабываемой!

Все будет хорошо! – я верила в это и делала все для счастливой жизни.

Стала приучать его к домашней работе. Прекрасная хозяйка, я не очень-то любила готовить, и научила Леву всем кулинарным секретам. Он оказался хорошим учеником, с удовольствием возился на кухне, мыл посуду, солил сало, коптил свиные рульки в коптильне, варил варенье, пек пироги, блины... Ну, не золотой ли мужик, а?!!

Когда девки приходили к нам, и мы, болтая, сидели в креслах перед телевизором, я звала Леву:

– Левочка, Котик, сваргань, пожалуйста, кофейку – как ты умеешь!

Он приносил кофе и сладости, галантно, с улыбочкой и шуточками, острил, вступал в разговор и удалялся, чтобы не мешать дамам. Я видела оценивающие и завистливые взгляды подруг и мысленно ставила высший балл своему мужчине, прощая ему все, что сводило меня с ума, когда он был в запое. Девки приходили, позвонив, поэтому не знали о моих страданиях.

– Как тебе это удастся – мужиком командовать?

– Да очень просто! – командовать в доме должен кто-то один, то есть я!

– Да-а! Ну, просто принца какого-то нашла, такой brutальный!

– Да он, девки, только косит под принца, как все мужики.

В квартиру уехавшей Лены поселился новый редактор Гена Ткачев. Мы подружались. Гена тоже был не дурак выпить, – ну, журналист же! Как и Лева не просыхал по выходным, но держался от запоев – на работу надо было ходить. С Геней собутыльники частенько попивали. Его жена Лида, инструктор горкома, вечно пропадала в командировках по району да на собраниях. Как-то она уехала в отпуск к родным. Вот тут-то Гена слевой и с ведущим Усинского

радио Володей, тоже большим любителем выпить, всласть оттянулись. Ну что я могла делать? Терпела и была рада, что все происходит без меня. Домой Лева возвращался к ночи, а Володя, живущий в общежитии, оставался у Гены. И вот, когда мужики уже пропились до рубля, Гена стал искать записку. Как водится – положил вроде туда, где не забудешь, а стали искать – все книги в большой библиотеке и ящик с инструментами прошерстили – не нашли.

– Может Лидка стибрила?

– А кто ее знает, баба же! – почесал в голове Гена.

Атаковали меня, просили на выпивон, но я клялась, что нет ни копейки, истратила.

А наутро Гена прискакал и сообщил:

– Володьку выгнал! Этот гад ночью выпил Лидкин любимый ликер Вана Таллинн, в серванте стоял. Лидка придет – убьет! Вот сволочь, один уговорил бутылку, пока я спал. Что делать – не знаю, его нигде не купишь!

Лева успокоил друга:

– Да ладно, смастерим тебе ликер, делов-то! Бутылка цела?

И два друга, старательно нюхая бутылку с каплями вина, сварганили из пряностей и ароматических кулинарных добавок такое, что, когда они меня притащили на экспертизу, я ничего не унюхала. Ну – натуральный Вана Таллинн! Никакой разницы между остатками капель бальзама и тем, что мужики сотворили из убойного спирта Рояль, появившегося в городе, я не нашла по вкусу и запаху!

– Мужики, да это же шедевральное изобретение, достойное книги Гиннеса! А вы блоху не подкуете?! Может вы свои способности – да в дело, а? – миллионерами можно стать, умники Вы лопухие!

Все это конгениальное пойло торжественно перелили в родную бутылку Вана Таллинн. Ну и, конечно же, остатками изрядно до чертиков напоследок нагрузились.

А я удивилась. У Ткачевых всегда был какой-то беспорядок – всегда все где-то что-то валялось не там, да не эдак. Когда же Гена остался один, мужики пили постоянно, а в доме чистота и порядок. Вот такой Гена и такая Лида!

На мой день рождения Гена притащил в подарок горшочек с красной розочкой, которая мне безумно понравилась.

Через три дня приехала Лида, и вечером около десяти часов звонит, что хочет нас угостить прямо сейчас.

– Да ладно, Лида, поздно уже, давайте завтра.

– А мы уже идем, успеете выспаться.

Принесли смачно воняющую воблу, полбутылки вина краснодарского самодельного и изрядный кусок сала хохлятского. А пока мы воблу потрошили, Лида заинтересовалась розочкой. Попросила ножик – якобы землю надо взрыхлить, и стала в горшке ковырять. Потом гости ушли.

А утром прибегает взбудораженный Гена и, заикаясь, сообщает:

– Стерва Лидка! – я ей не прощу! Развод!

– Да что случилось-то, успокойся, расскажи!

– Мы вчера, когда вышли от вас, она в карман полезла. Знаете, что она в земле нашла?

– Что нашла, в какой земле? Неужто золото!

– А ты откуда знаешь?

– Да ничего я не знаю, говори толком!

– Когда мы вышли от вас, она вытащила горсть золотых украшений, все в земле. Вот сука! Это она от меня в горшке с розочкой спрятала пред отъездом! Потому и притащила меня к вам, чтобы их выковырнуть из горшка. Она и записку мою сперла и перепрятала!

Я так и охнула:

– Ой, Гена! Да я же этот горшок с розочкой как-то поставила на ограждение балкона, а потом гляжу – горшка-то нет. Я вниз глянула, а он валяется, хорошо, никто не успел свиснуть, только земля чуть высыпалась. Я вышла, землю в горшок затолкала и домой принесла. А там, выходит куча золота была? А если бы его кто-то утащил, а? Как бы я потом отвертелась, что не я золотишко умыкнула?! Повезло мне! Ну, спасибо Лиде, век бы не отмылась!

Развод все же не состоялся, они помирились самопальным ликером, на который нас пригласили в честь примирения. В доме опять был привычный Лидин бардак. А Лида хвалила мастерски сварганенный мужиками Вана Таллинн:

– Нет, все-таки прибалты могут, такое русским дуракам не под силу. Только самогонку гнать способны, умельцы народные!

Левка не выдержал:

– Да мы лучше можем! На спор – давай бутылку, завтра принесу полную.

Гена под столом так лягнул Левку ногой, что тот взвыл:

– Ты чего распинался граблями своими? Русских она не знает! – я бы показал!

А потом Гена съездил к родным в Краснодар и решил организовать свой бизнес. Из редакторов его уже поперли – не нужен был горкому КПСС и этот независимый редактор, вышедший из-под контроля. Но талантливого Гену собратья по перу не оставили без работы, он устроился собкором в новой республиканской газете, куда дома статьи и был доволен – на работу ходить не надо хорошо платили. У него была одна идея-фикс. Он мечтал заработать большие шальные деньги, открыв бизнес с баснословным доходом.

Начал с того, что привез из Краснодара приличный мешочек лески. Дома стал к леске крепить крючки и поплавки, тоже из Краснодара. Но пыл его быстро пропал, так как та сумма, на которую он рассчитывал, не оправдывала его расходов. Никакого навару! Пришлось найти рыбака-браконьера и всю кучу снастей продать почти задаром, так как рыбак на большее не соглашался.

Идеями Гена делился со мной. Мы все обсуждали и я, как правило, начисто убивала идею на корню, не давая Гене ни единого шанса разбогатеть. Вторая идея Гены была навеяна японской кухней, о которой он узнал по телевизору. Решил делать разделочные, якобы японские доски, напильвая их кругляшами поперек ствола и обрабатывая собственноручно. Я эту идею сходу разбомбила:

– Пилить, обрабатывать, шлифовать надо так, чтобы они не крошились при эксплуатации от вечной мокроты, твердость дерева должна быть соответствующей. Твои доски через неделю разойдутся щелями! Ты хоть это понимаешь, что дерево надо знать – какое, а не что попало, изобретательный ты наш! А обработка. Шлифовка, нетоксичная пропитка? – это тебе не спирт Рояль для ликера! Усинские бабы тебя этими японскими кругляшами так отмутузят, что Лида родная не узнает!

Гена пригорюнился. Но ненадолго. В магазинах было пусто, зато появились всякие новомодности, способные облегчить домашний труд. Например, пельменница – простенькая такая пластмассовая трубочка, а в ней пружинка. Нажмешь – нарежешь кружочки из раскатанной лепешки, мяса кусочек вставил с лепешечкой, бах-шлеп и готов красивый пельмень! Гена сообразил этой штуковиной конфеты лепить, которых нигде уже нет.

– А чо? У меня какао лежит пять кило в пачках, сгущенки ящик с лучших времен, так что сам Бог велит этим подзаработать.

Ясно, откуда запасы – остатки от приемов и от поездок по покосам-сенокосам, да на заготовку веток кустарников на корм скоту, когда в эти последние доперестроечные годы добровольцев с работы частенько гнала родная партия, снабжая консервами и сухими пайками. Эти марш-броски были обычным делом. То, что оставалось сэкономленным, забирали себе домой организаторы штурмовых отрядов, как правило, партийные и комсомольские работники. У одного моего знакомого секретаря парткома антресоли были забиты под завязку консервами,

банками кашей с мясом, блоками сигарет, пачками сухих концентратов. Я это случайно увидела, когда он доставал сигареты.

Вот и пришло Генино время воспользоваться добром, доставшимся бесплатно в благодатное советское время. Но я этот его коммерческий порыв срубить махом деньгу тоже разбомбила, объяснив, что это дело непростое с изготовлением шоколадного теста, лепней конфет и фантиками-коробками:

– Это тебе не Вана Таллинн, умелец! Кто польстится на твою доморощенную самодельщину? Надо ведь так делать, чтобы фирма была! Как у наших мастеров, которые «джинсу» стряпают «под ливайс» с прилепочкой брендовой лейбочкой.

А вскоре Гена поделился со мной, что его московский друг Виктор Пронин, ставший известным модным писателем детективов и хорошо на этом зарабатывающий, предлагает ему быть посредником по продаже леса. Гена долго возбужденно рассказывал мне подробности этого бизнеса, подсчитывая баснословные деньги. Посредничество входило в моду. Но все его мечты опять рухнули. То ли приятель его бортанул, то ли приятеля бортанули. Бизнес-то криминальный, как оказалось. Отсутствие законов, а точнее беззаконие порождало возможность воровать, грабить, убивать и отбирать, такая вот пора наступила. Криминальные умельцы договаривались с руководителями разного ранга и разрабатывали планы, в результате чего почти даром ловко присваивали то, что пока принадлежало народу и абсолютно не контролировалось, растаскивалось ловкачами. Все это называлось новым словом «рэкет».

И неугомонный Гена вляпался. На этот раз ему так не подфартило, что вместо заработка, он серьезно пострадал. В Усинске появилось свое «МММ». В мастерски сооруженную пирамиду целеустремленно лезли желающие откусить бесплатного сыра и Гена туда ткнулся. Какие-то красиво нарисованные бумаги с печатями показывал и уговаривал нас туда же сунуться с приличной суммой денег, чтобы моментально навариться и получить многократно увеличившийся куш. Ну, у нас не было желания играть в такие игры, чтобы польститься на деньги от бешеной коровки. Мы похихикали слевой, категорически отказавшись купить у Гены красивые гербовые бумажки. О том, что Гена с Лидой здорово прогорели, нам стало известно через месяц. Они потеряли изрядную сумму денег, влезли в такие долги, что вынуждены были продать квартиру, чтобы рассчитаться. Им пришлось уехать в Краснодарский край, где жили родные Гены. Там купили небольшую халупу в отдаленном селе и занялись сельским хозяйством на земле в двадцать га. Еле перетерпели зиму, добывая отовсюду для своей прожорливой печурки дрова. А весной оказалось, что домик с землей они оформили незаконно, что-то в документах было совсем не так, как надо. Их, доверчивых простачков, надул заезжий молодец из Армении. Гена вернулся в Усинск, к своему приятелю Володе. Когда он появился у нас, мы не узнали прежнего вальяжного толстенького добряка. Вместо него был потрепанный худощавый мосластый мужик крестьянского вида, в старой куртке, с морщинистым, дочерна загорелым озабоченным лицом.

Гена рассказал про свои мытарства. Лида осталась у его матери в селе под Краснодаром. Сдержанно сказал:

– Разбежались мы, давно было надо, стерва она горкомовская!

– Ну и куда теперь?

– Поеду в Ухту, в газету, там друг. С бизнесом мне не по пути!

Вскоре мы узнали из некролога в областной газете, что Гена скоропостижно умер во время работы – в пишущую машинку был запроваден лист, не успев закончить статью. Талантливым журналистом был наш друг Гена Ткачев. И честным. даже после того, как я уже не работала главным архитектором города, он часто проталкивал мои критические статьи в адрес нового архитектора, который много чего тормозил, был беспринципным в отстаивании интересов городской застройки, да еще и взяточник в придачу. Он потом не выдержал и залез в петлю. А тот микрорайон, который я не согласовала, и его стали строить в угоду первому сек-

ретарю обкома Иван Палычу, бросили незаконченным, не сдав и первого дома. Но никто за это не ответил. А надо было бы посадить!– уйму денег на ветер пустили. а может и втихаря промотали, разворовав. А первый секретарь обкома Иван Павлыч уже помер, и вместо него стал наш Юрий Алексеевич Спиридонов, которого потом избрали Главой республики Коми.

Зимой приехал Федя Моржов делать работу по интерьерам нового детского сада и пригласил меня на подмогу. Я с радостью поработала с ним, вдвоем мы сотворили прекрасные веселые росписи и хорошо заработали.

Лева приходил поглядеть, как мы работаем. Сказал:

– Вот это работа! – красоту делаете! И в тепле, не то, что мы на ледяном ветру при сорокаградусном морозе бултыхаемся на пятидесятиметровых вышках.

Федя ответил:

– Зато ты выглядишь как настоящий мужик – бицепсы, мускулы, фигура как у Давида!

Друг мой дорогой, как многому ты меня научил, Федя, член Союза художников, работающий в Москве в комбинате Монументально-декоративного искусства, тонкий, интеллигентный, все понимающий Федя! Дед его был любимым учителем Ленина. Федя в Москве показывал мне книгу с его портретом, дед там – вылитый Федя.

А он ведь тоже попивал изредка, и тоже запойно. Но это он позволял себе, закончив работу, и возвратившись в Москву к жене. Загулы бывали после успешно сделанной работы. Может это меня и останавливало от того, чтобы расстаться слевой. Потерплю, Фебина вторая еврейская жена Лиля терпит, а я выход найду – ну не может быть, чтобы не нашла!

И терпела. Дико тосковала, когда он уезжал на вахту. Кроме его редких запоев, все остальное было просто безоблачно и светло. Он любил меня. Любил так, что это было явно, зримо, заметно во всех проявлениях его отношения ко мне. И я ответно откликалась на его чувства. Мы всегда и всюду ходили вместе, держась за руки или под ручку. Он живо услужливо реагировал на мои желания, казалось, прочитывал мои мысли. Любил дарить подарки, как знаки внимания, на праздники – золото, духи, цветы. Погладить друг друга, ласково смотреть, обниматься, целоваться было, казалось, просто необходимостью, без которой невозможно жить, дышать. Мы испытывали какую-то тягу физически чувствовать друг друга через прикосновения, объятия. Такая вот любовь!

Проработав год, Лева получил двухмесячный отпуск и мы поехали в Гагры, в Дом творчества Архфонд. Я достала две курсовки от Союза Архитекторов. Путевок не было, ну и ладно, устроимся, не проблема. Летели через Нижний Новгород, чтобы навестить мать Левы в Балахне и переодеться в летнюю одежду. Был июнь, в Усинске еще таял снег, а мы отправились в Гагру. За мой проект рассчитался заказчик, Федя щедро оплатил мою работу, плюс Левины деньги – это было, ну очень жирно! Лева вылетел один, мне надо было закончить дела с заказчиком, я прилетела в Нижний Новгород через два дня. Он встретил меня в аэропорту в новой одежде, соответствующей югу. Светло голубой батник с массой карманов и брюки из хлопка, в лейбочках мировых и разных прибабасах умопомрачительных. Предприимчивые изобретательные молодые люди повсюду организовывали свои предприятия. Выдавали свою продукцию за зарубежную, известных брендов от кутюр. Вот и Лева купил в Нижнем эту потрясающе крутую одежду. Как-никак на море едем!

Наступило время, когда народ резко сменил одежду. Мужчины и женщины постепенно отошли от классической одежды, меняя ее на свободный, практичный и удобный полуспортивный стиль. Пальто сменили на куртки. Женщины стали носить брюки, батники, летом смело наряжались в сарафаны, появилась мода на шорты.

Мы тоже переоделись в эту одежду, выскочив с севера в отпуск.

На такси Лева прокатил меня по Нижнему Новгороду, показав все достопримечательности. Был чуть хмельной и веселый. Потом приехали в Балахну. Мамочка встретила нас во

дворе, где было полно людей на скамейках. Старуха бросилась ко мне на шею, изображая немислимое счастье и умиление, артистка!

Дом, в котором жили Лева с матерью, строили пленные немцы после войны. Двухкомнатная сталинка была с отличной планировкой, окно в ванне, огромные комнаты и высокие, с лепниной потолки. Но в квартире было бедновато. Большая комната была без стола, только диван, сервант и телевизор. Вторая – поменьше с одной кроватью, на кухне надстроенный подоконник вместо стола, используемый как холодильник, тумбочка и холодильник.

Лева по моей просьбе принес из кладовки в подвале хранившийся там роскошный круглый стол сталинских времен! И чего в подвале делала эта немислимая красота?! В прихожей стоял красивый сталинский шифоньер. Вот и вся мебель. Ясно! Судя по выставленной еде, старуха прижимиста, и ни черта не умеет готовить. Не хозяйка! Уж не пьет ли сама? Но в квартире был хороший ремонт, чистота и порядок.

Балахна расстилалась вдоль Волги. До Нижнего час езды на автобусе, много церквушек сохранилось, одна действующая, краеведческий музей, пристань... Красота!

Мы с Левой добрались на «Ракете» в Нижний и Городец. Я была в восторге. Лева каждый день потихоньку пил, но без запоя, мы много гуляли по городу и набережной.

Прилетели в Гагры. Устроились, в доме бывшего секретаря горкома сняли комнату, были еще соседи. Комнаты с отдельными входами с улицы, кухня с газовой плитой и холодильником. Дом творчества архитекторов на этой же улице и море внизу через дорогу. Благодать! Вот только Лева от радости ежедневно попивал. Сначала это не мешало жариться на пляже, ходить по городу и ездить на экскурсии. Но постепенно пьянка затягивалась, и настало время, когда он уже не ходил в столовую, только пил и спал.

Как же мне было мерзко и стыдно перед соседями и хозяевами! Вместо отдыха такой кошмар с этим алкашом! Стала одна ездить на экскурсии и греться на пляже. Так и провела время, допуская легкий флирт. Левочка вышел из запоя за день до отъезда. Выглядел как всегда виноватым, но упрекал меня, что оставляла его одного.

– Да пошел ты! Чтобы испортила себе отпуск?! Нет, так не будет! Скажи спасибо, что не бросила! – еле выдержала, чтобы не уехать одна.

Вернулись домой. Лева отправился на вахту, а я уволилась из Худфонда и при отделе культуры решила организовать мастерскую по интерьерам. Первый заказ – интерьеры Дома пионеров, который только что построили, не по моему проекту, а просто двухэтажный дом, похожий на промздание. Главный архитектор города Виктор Журавлев отфутболил то, что я сотворила и согласовал то, что архитектурой и не пахлю. Я поздно узнала об этом! Какой мой проект был – сказка! Все здание из отдельных блоков, соединенных переходами, образуя внутренний дворик с зимним садом. Блоки покрыты скатными крышами, получился миниатюрный ансамбль, как сказочный теремок. Красные разновысокие, взметнувшиеся ввысь остроконечные крыши, напоминали о красном галстуке. Вот такой Дом пионеров угробил Витя-козел!

Я понимала, что без помощника в подсобной работе мне не справиться, поэтому пошла ва-банк. Первая молодость прошла, вторая молодость пришла, пора прыгнуть в другую телегу, пока не пришла вечная молодость. Пора итить в замуж! В конце февраля я решительно поговорила с Левой:

– Значит так, дорогой, наступил момент истины. Или мы пойдем в загс и будем работать вместе, или после вахты отправляйся к своей мамочке, и я тебя больше знать не знаю. С пьянством покончено! Понял? Выбирай, это ультиматум!

– Да ты что! Я же люблю тебя! Все – больше ни грамма в рот не возьму! В загс, конечно! Я и сам об этом думал, но боялся – не согласишься! Значит, ты меня любишь, Рыбка моя золотая!

– Да уж, не повезло мне, свалился на мою голову!

В начале марта мы нарядились как жених и невеста, чтобы идти в загс. Стояли перед зеркалом. Я завязала ему галстук:

– Пора бы самому научиться, ты это делаешь, как только швартовы крепят на владивостокских пирсах.

А в мозгах одна мысль крутится – идти, или как? И тут по радио полилась прекрасная мелодия, Лайма Вайкуле запела «Еще не вечер...» Я повернулась к Леве, он шагнул ко мне и, обняв меня, сказал:

– Ну что ты, дорогая моя невеста, не сомневайся и не бойся – еще не вечер! Будь моей женой, я же люблю тебя больше всего на свете! Все будет, как ты говоришь – тип-топ!

Сомнения уплыли прочь. Когда поднимались на крыльцо загса, я чуть не ляпнулась, заскользили туфли, и я еле удержалась, схватившись за поручень ограждения. Мелькнуло в голове – плохой знак! И день, как оказалось, был выбран неудачно. Но это уже не имело значения. Друзья пришли и мы отпраздновали. Из-за сухого закона водки было немного. Но гости принесли самогонки на рисовой каше, я приготовила ножки Буша, холодец и салат оливье.

Молодоженам выдавали талоны на дефицитные вещи. Я купила себе платье свадебное, роскошную финскую куртку, туфли, халат махровый и индийский батник-кардиган стильный и импортные носочки Леве.

После свадьбы приступили к работе. В свою новую мастерскую я пригласила художницу Лиду, а ее мужа и Леву пристроила исполнять подготовительные работы. Теперь хорошие деньги сможем зарабатывать. Я была уверена, что сделала все правильно. Работали с жаром. Лида делала керамические панно для второго этажа, я – музей краеведения, росписи вестибюля и холлов первого этажа в тематике Космос. Лева приводил в порядок стены под роспись, переводил рисунки на стены, закрашивал, что надо. Мастерил макеты избы Коми-народа и ветряной мельницы. Работал четко, умело и старательно, уверенно работал кистью. Я была довольна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.